

Сяо Жофэй, заметив ситуацию, попросил у настоятеля несколько больших связок оберегов. Он раздал их помощникам режиссёра, чтобы те распределили их среди съёмочной группы, а сам взял один и отправился искать Гу Чуньлая.

После коллективного мероприятия Гу Чуньлай направился к главному залу храма. Сяо Жофэй незаметно подошёл ко входу и увидел, как тот стоит в центре зала, выпрямившись, с безмятежным выражением лица, без гнева или печали. Перед ним слегка приоткрывались красные двери, а за спиной возвышался величественный и спокойный образ Будды.

Казалось, даже шаг вперёд был бы нарушением этой священной атмосферы.

Сяо Жофэй решил вернуться позже, чтобы вручить оберег, и уже собрался уходить, как вдруг Гу Чуньлай повернулся и тихо посмотрел на него, в его глазах отражался свет неугасимых свечей.

— Уже пора собираться? — знакомый голос с ароматом сандалового дерева проник в его уши.

Очнувшись, Гу Чуньлай уже стоял рядом с ним за пределами зала.

— Пока ещё есть время. Пинпин и Цяньфань ещё не решили, о чём просить, — сказал Сяо Жофэй. Юй Цяньфань и Мяо Пинпин, исполнительницы важных женских ролей в фильме, имели множество сцен с Гу Чуньлаем. — А ты? Не хочешь попросить успеха в карьере или... счастья в любви?

Гу Чуньлай махнул рукой.

— Сейчас я играю в тех фильмах, о которых мечтал. Этого достаточно.

— А вдруг... в будущем будут другие проекты? Например, фильмы его студии.

Гу Чуньлай задумался, вспомнив, как недавно обсуждал с Сяо Жофэем предложение Бай Яньнаня о контракте. Но в последнее время он был так занят подготовкой к съёмкам, что у него не было времени обдумать это предложение, и он до сих пор не дал ответа. Он знал, что Сяо Жофэй тоже был занят, но тот однажды упомянул, что хотел бы подписать его, и больше не возвращался к этой теме.

— Жофэй, если ты хочешь спросить, собираюсь ли я подписывать контракт с Яньнанем, можешь спросить прямо.

Затем он подробно изложил свои мысли.

— На самом деле, если ты подумаешь, то поймёшь, что, подписав с ним контракт, рано или поздно вы будете вместе.

Гу Чуньлай достал сигарету, разорвал упаковку и понюхал её.

— Я не стану подписывать контракт только ради романа. К тому же, это просто рабочие отношения. Разве ты видел, чтобы коллеги, проработавшие вместе десять — пятнадцать лет, обнимались и целовались?

— Но... вы двое — это другое.

— Чем же?

Сяо Жофэй не ответил. Он не хотел вспоминать ту ночь после выпускного, ночь, которая стала причиной их восьмилетнего молчания. Он знал, что Гу Чуньлай тоже избегал упоминаний о том, что произошло в комнате 520 в тот дождливый вечер. Это было их молчаливое соглашение. Так было лучше, они могли общаться, как в студенческие годы: шутить, подкалывать друг друга, быть друзьями, сниматься вместе, пить крепкий алкоголь в узких переулках до рассвета.

Они будто застыли внутри снежного шара, где вечно идёт снег, но всегда царит весна, наблюдая за бегущими оленями и слушая ангелов, поющих гимны. Они не хотели разрушать хрупкий стеклянный купол, чтобы не разбиться вдребезги и не разрушить мир, который был таким спокойным.

— Ладно, надоело. Не соглашайся пока. Вот, возьми это, посмотри, когда будет время, и скажи, что думаешь.

Сяо Жофэй вдруг выкрикнул, запустил руку в волосы Гу Чуньлая, а затем сунул ему в руки листок бумаги и ушёл.

Гу Чуньлай замер, и только когда Чжан Ичэн позвал его возвращаться, он очнулся и последовал за ним на парковку.

Листок в его руках был тонким, и ветер легко шевелил его, приоткрывая уголок, где виднелись знакомые неровные строчки.

Наверху листа было написано: «План развития карьеры Гу Чуньлая».

После множества перипетий утром 14 октября официальный аккаунт фильма «Сказание, учение, шутки и пение» опубликовал сообщение в Weibo. Без накрутки данных или покупки трендов актёры и студии сделали репосты, и съёмки начались.

За исключением сцен с Чжоу Ицзюнем, фильм снимался в хронологическом порядке, что помогало актёрам вжиться в роли и легче погрузиться в атмосферу.

В первые несколько дней у Гу Чуньлая не было сцен, и он мог спокойно отдохнуть. Чжан Ичэн предложил составить ему компанию и прогуляться по Байшуй, но тот вежливо отказался, нашёл складной стул и поставил его в нескольких метрах позади монитора, чтобы не мешать режиссёру, но при этом видеть происходящее на съёмочной площадке.

Если не считать студенческих лет, это был первый раз, когда Гу Чуньлай действительно снимался в кино.

Хотя он уже появлялся на экране, он понимал, что актёрская игра в телесериалах и фильмах совершенно разная, а с театром и вовсе не сравнима. У него была теория, но не было практики.

В первый день съёмок «Двух городов» режиссёр постоянно жаловался, что его взгляд слишком сложный и перегруженный, что было типичной проблемой для театральных актёров в начале, и советовал ему сдерживаться. Гу Чуньлай не знал, насколько нужно сдерживаться, поэтому остановился и стал наблюдать за Бай Яньнанем, с которым у него было больше всего сцен. После двух сцен он примерно понял, как нужно играть, и продолжил съёмки, хоть и с трудом.

Теперь на съёмочной площадке фильма всё, что он построил, возможно, придётся пересмотреть.

К счастью, у него была возможность наблюдать за игрой легендарной актрисы. У него ещё было время.

Ранним утром вся съёмочная группа была на месте. Когда пришло время, Сяо Цаньсин вышла из трейлера, одетая в красно-коричневую грубую рубашку и чёрные брюки, с аккуратно собранными в пучок волосами, без макияжа, и подошла к месту, обозначенному для съёмки.

Режиссёр Фан Цю подошёл к ней, чтобы обсудить что-то, но из-за расстояния Гу Чуньлай не мог слышать. По губам он понял, что они обсуждают расположение камер и сцену. Через пару минут она сделала несколько пробных шагов, и съёмки начались.

В момент, когда Фан Цю крикнул «Начали!», Гу Чуньлай был потрясён.

Человек, который секунду назад сиял, теперь слегка сгорбился, его шаги стали тяжелыми и медленными, а в глазах была невыносимая усталость и искра надежды, которую он отказывался отпускать. Гу Чуньлай забыл о Сяо Цаньсин, о той жизнерадостной женщине за обеденным столом, и видел только Ду Цзянсюэ.

В начале истории Ду Цзянсюэ пытается получить компенсацию, но её игнорируют. Она уже пережила множество потрясений, и тяжесть жизни постепенно давит на неё. Она должна преподавать, заботиться о муже и бегать за деньгами, которые, хоть и небольшие, могут спасти жизнь. Она наконец набралась смелости, чтобы потребовать компенсацию у строительной компании, постучала в дверь офиса подрядчика, но её никто не принял, и ей пришлось ждать, пока терпение не иссякло.

Эта сцена была первым кадром фильма, длившимся две минуты. В кадре было три человека: Ду Цзянсюэ тихо ждала, а двое других рассказывали анекдоты. Ду Цзянсюэ пришла за компенсацией, а они — за долгами. Зрители, знакомые с таким сюжетом, сразу заметили бы этот контраст.

Гу Чуньлай затаил дыхание, боясь, что даже его выдох нарушит идеальную атмосферу. Раздался стук в дверь, Ду Цзянсюэ вошла, и в течение долгого ожидания двое других рассказывали анекдоты о хромом старике Ванге, который поскользнулся на ослином помёте. За окном рассвет сменился сумерками, а Ду Цзянсюэ от надежды постепенно перешла к отчаянию, от печали к опустошению, и на фоне смеха о том, как «Ван поскользнулся и умер», она повернулась и ушла.

Весь кадр был снят одним дублем, плавно и естественно. Режиссёр крикнул «Снято!», съёмочная группа начала двигаться, но Гу Чуньлай всё ещё сидел, сгорбившись, не в силах оторвать взгляд. Никакие слова о «перевоплощении» не могли описать игру Сяо Цаньсин. По словам Гу Чуньлая, это было не просто перевоплощение, а смена души. Даже если бы она сегодня играла кошку, а завтра собаку, все бы поверили ей.

За ужином Гу Чуньлай был рассеян. Остальные актёры сидели группами, обсуждая предстоящие сцены, а он одиноко сидел в углу, с полной тарелкой, которую почти не тронул.

Сяо Жофэй, вернувшись за добавкой, заметил, что у Гу Чуньлая много еды, и, протиснувшись к нему, сел рядом. Гу Чуньлай был в своих мыслях и не обратил на него внимания, а тот незаметно зачерпнул ложкой перепелиные яйца «тигровая шкура» с его тарелки.

— Если не будешь есть, я съем все.

Гу Чуньлай, подперев голову рукой, молча подвинул тарелку ближе к нему.

Но Сяо Жофэй не стал брать больше. Он поднял ложку с одним яйцом и убрал руку.

<http://bllate.org/book/15563/1415620>